

О ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ФЕОДАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА И РАЗОРЕНИИ КРЕСТЬЯН В ЛИТВЕ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1863—1864 годов

С. А. Лазутка

Проблема воспроизводства барщинного хозяйства в феодальной Литве до сих пор мало освещена в исторической литературе. Отдельные авторы в работах¹ о кризисе этого хозяйства и крестьянском движении в Литве накануне реформы осветили эту проблему лишь с точки зрения дальнейшего обнищания масс крепостного крестьянства.

Однако при анализе разложения крепостнической системы и возникновения в ее недрах новых, капиталистических отношений важно не просто установить факты обнищания крестьян. Главным является вопрос о воспроизводстве феодального хозяйства, в особенности «собственного» хозяйства крепостного крестьянина, который в период зарождения капитализма проявлял сильное стремление «оторваться» от помещичьего хозяйства. Но существовавшие феодальные отношения постоянно подавляли это стремление, нередко доводя крестьян до полного разорения.

Разорение крепостного крестьянства, его экспроприация и обезземливание, невозможность воспроизводства крестьянских хозяйств составляют основу всего процесса развития капитализма в литовской деревне накануне восстания 1863—1864 годов².

Ускорению классового разложения литовского крепостного крестьянства и образованию большой социальной группы безземельных батраков — «бобылей», «халупников», «огородников» и др. — способствовала особая форма крестьянского землепользования в барщинном хозяйстве Литвы, установленная при проведении в XVI в. так называемой «волочной реформы». В результате этой реформы была ликвидирована сельская община и введены повинности в пользу помещика с определенного участка земли — «волоки» (19,5 десятины) на основе тогда же составленных «инвентарей»³.

«Инвентари» давали подробное описание отдельных имений (название сел и деревень, принадлежавших помещику, список жителей мужского пола, качество земли, описание отдельных участков и исчисление повинностей с каждой «волоки»). Повинности делились на основные («пригон» — барщина, сгоны, или гвалты, «шарварк» — «строительная» повин-

¹ Н. Н. Улащик. Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории», 1948, № 12; В. И. Неупокоев. Крестьянские волнения в помещичьей деревне Литвы накануне объявления рескрипта от 20 ноября 1857 г. (1832—1857 гг.). «Ученые записки» Вильнюсского государственного университета. Вильнюс. 1954.

² Литва в XIX в. в административном отношении входила в основном в состав Ковенской и Виленской губерний. Последние не являлись, однако, чисто литовскими по населению. Так, в Виленской губернии было несколько белорусских уездов (Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский). В статье использованы также материалы этих уездов.

³ После «волочной реформы» наделный участок («волока») не мог делиться между наследниками, а переходил к одному из них. Это способствовало в какой-то мере более быстрому образованию слоя безземельных и малоземельных крестьян.

ность) и дополнительные («данина» — различного рода мелкие поборы с крестьянского двора, а также подорожная повинность — «подорощина», ночные караулы и т. д.).

Либерально-буржуазные историки⁴ идеализировали «волочную» реформу, односторонне оценивая ее лишь как регулирование отношений между помещиками и крестьянами, как некоторое ограничение помещичьего произвола. Однако главным содержанием «волочной» реформы, ее основной целью было сохранение и упрочение крепостного права.

После присоединения Литвы к России царизм не отменил «инвентарей», хотя многие помещики давно ими не руководствовались. В начале 40-х годов XIX в. царское правительство, чтобы укрепить помещичье хозяйство в условиях начавшегося кризиса феодально-крепостнической системы и усиливавшихся крестьянских волнений, решило сделать «инвентари» обязательными.

В отличие от прежних утвержденных царским указом от 15 апреля 1844 г.⁵ новые «инвентари» были обязательными и для помещиков. Буржуазные историки считали указ 1844 г. «насильственной» мерой, регулировавшей отношения между помещиками и крестьянами якобы в пользу последних⁶. В действительности новый порядок несколько не затрагивал основ крепостнического строя. «Обязательные инвентари», хотя и регламентировали до некоторой степени крестьянские повинности, однако мало чем облегчали положение крепостного. Формально крестьянам предоставлялось право жаловаться на нарушение помещиком установленных правил. Но жаловаться крестьяне должны были становым приставам, исправникам, губернаторам и т. д., всегда готовым поддержать помещика.

За земельный участок, составлявший полное «тягло», был определен средний размер повинностей: три дня пригона (барщина) с упряжью и один день женский, отбываемые регулярно каждую неделю. Кроме барщины, крепостные обязаны были отрабатывать сгонные дни, или так называемые гвалты, по двенадцати дней с работника, в основном в летнее время, что было особенно обременительно. Крестьяне с тягла и полутягла обязаны были отбывать также «шарварковые» повинности (8 дней в году), ночной караул — раз в месяц с одного работника, подводную повинность и т. д. Крестьян обременяли различного рода дополнительными повинностями за так называемые «услуги» (предоставление леса, выгонов и т. д.). Пригонные и сгонные повинности крепостные отбывали на основании дневных «уроков», которые часто были практически невыполнимыми⁷.

Хотя «обязательные инвентари» предусматривали повинности в зависимости от размера земельного надела и качества земли, фактически они взимались также и с крепостного. Об этом свидетельствует отбывание всеми крестьянами сгонных дней и в еще большей степени выполнение чрезмерно высоких повинностей малоземельными и безземельными крестьянами. «Огородники» за предоставленную им усадьбу обязаны были отрабатывать по 24 сгонных дня в пользу помещика. Были случаи, когда эта норма доходила до 30 дней. «Бобылей» и «кутников», как правило, облагали денежными оброками (8% с получаемого дохода)⁸.

⁴ E. von Römer. Beiträge zu Litauens Wirtschaftsgeschichte. München. 1897, SS. 16—20; А. Киркор. Краткое обозрение ученой деятельности по части статистики в Литовском крае и в особенности в Виленской губернии. Сборник историко-статистических материалов по Виленской губернии. Ч. 1. Вильно. 1863, стр. 3—5; Žmogus (Janulaitis). Baudžiava Lietuvoje, p. 20—24.

⁵ «Первое издание материалов редакционных комиссий». Ч. IV. 1859 г. Журнал № 70; Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Западного Комитета, д. 33.

⁶ E. von Römer. Указ. соч., стр. 42.

⁷ «Первое издание материалов редакционных комиссий». Ч. IV. 1859 г. Приложение к инвентарным положениям Западных губерний, стр. 51—52.

⁸ Центральный государственный архив Литовской ССР (ЦГА Лит. ССР), Канцелярия генерал-губернатора (КГГ), ф. И378, 1851 г., д. 2522, л. 48.

Но даже эти обременительные для крестьян «правила» фактически были скрыты от них⁹ и не ограждали от помещичьего произвола. У помещиков оставались широкие возможности налагать на крестьян повинности по своему усмотрению и обходить инвентари, начиная от прямой фальсификации при их составлении¹⁰ и кончая захватом крестьянского хлеба в мирских магазинах.

Кроме того, в период введения «обязательных правил» и особенно после попытки их утверждения в 1852 г. помещики всячески стремились сократить наделы, перевести крестьян на худшие земли, сохраняя при этом старые повинности. Так, 18 января 1854 г. виленский предводитель дворянства писал, что крестьянские участки со времени подачи прежних инвентарей во многом изменились: «...некоторые владельцы крестьян переселили на другие места, а их прежние земли, по уничтожению селений, обратили на вновь устроенные фольварки»¹¹. Один из современников свидетельствует, что после всех сокращений крестьянских наделов и перевода крестьян на худшие земли повинности оставались прежними¹².

Основной формой эксплуатации крепостных в Литве в 40–50-х годах XIX в. все еще оставалась барщина, хотя в ряде имений крестьян переводили на смешанные повинности и на оброк; это было особенно характерно для Ковенской губернии, в которой накануне реформы 1861 г. из общего числа 164 065 крепостных мужского пола оброчных было 48 087, то есть 29,3%¹³. В Виленской губернии из 128 658 крепостных мужчин оброчных было только 10 207 (7,9%)¹⁴, в соседней Гродненской губернии оброчных было еще меньше — всего 2%¹⁵. Наибольшее число оброчных в Ковенской губернии было в уездах с самой высокой концентрацией помещичьего землевладения¹⁶: в Тельшевском — 17 084 оброчных на 464 барщинных, то есть 97,3%; в Россиенском — 8 397 оброчных на 13 721 издельного, то есть 37,9%; в Шавельском — оброчных 36,1%; в Поневежском на оброке находилось 30,8% крепостных мужского пола. В трех других уездах Ковенской губернии — в Вилкомирском, Ново-Александровском и Ковенском — этот процент был ниже¹⁸.

Резкой грани между крепостными, отбывавшими смешанные повинности и платившими оброк или отбывавшими барщину, не было. Помещик постоянно требовал от оброчных крестьян выполнения различных работ, а от барщинных — натуральных приношений в виде льна, пряжи, шерсти и т. д., которые шли на продажу.

Самым распространенным размером инвентарных повинностей крепостных крестьян, находившихся на барщине, по Виленской губернии было отбывание 6 дней в неделю пригона, соответствующее количество сгонных дней и другие повинности. Так, например, в имении Пошервинце, Виленского уезда, Виленской губернии, все 17 хозяйств, находившихся на барщине и пользовавшихся участками земли в 15 десятин (полное «тягло»), отбывали по 156 мужских и 156 женских дней пригона, то есть по 6 дней в неделю, по 24 мужских дня сгона со двора и дополнительно «ночной караул, сажание капусты, стрижка овец, мытье белья, пряжа

⁹ Утвержденные инвентари и Положения губернских комитетов не были объявлены крестьянам; они были разосланы помещикам через предводителей дворянства.

¹⁰ См. Н. Н. Улащик. Указ. соч., стр. 51.

¹¹ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1853 г., д. 2111, л. 125.

¹² А. Березин. Восемь лет в Северо-Западном крае. «Русский вестник», январь 1896 г., стр. 157.

¹³ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1858 г., д. 1143, л. 326.

¹⁴ Там же, л. 355.

¹⁵ И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л. 1925, стр. 217.

¹⁶ «Приложения к трудам редакционных комиссий». Сведения о помещичьих имениях (в дальнейшем «Приложения»). Т. VI. Ковенская губерния, СПб. 1860.

¹⁷ Названия городов, уездов и других местностей даются по существовавшей тогда транскрипции.

¹⁸ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1858 г., д. 1143, лл. 327—341.

шерсти — 5 ф., льна — 10 ф.; выделка 10 талек холста из своего льна, 10 яиц, 1 курица, по 1 ф. грибов и орехов»¹⁹. Примерно такими же были инвентарные повинности в фольварке Заполини имения Стравенники Станислава Ремера (Трокский уезд). Они составляли с надела в 20 десятин 3 мужских и 3 женских дня барщины в неделю, 12 дней сгонных с души, 20 фунтов пряжи, 10 фунтов шерсти и пять талек льна; данины — 1 курица, 10 яиц, 1 копа грибов; кроме того, ночной караул поочередно, «подорощина» со двора на расстоянии 120 верст, 6 дней огородных и 3 дня строительных²⁰.

«Данины», которые инвентарными правилами 1847 г. были официально отменены, фактически вносились вплоть до ликвидации крепостного права, а в некоторых имениях даже заносились в инвентари. Так в имениях помещицы Еленской Глинциски и Великий двор (Виленского уезда), кроме основных и дополнительных повинностей, в графе «дани со двора» записано: «по инвентарю»²¹.

В Ковенской губернии ввиду лучшего качества земли барщинные повинности были намного выше. Пригон в среднем составлял 180—200 мужских и столько же женских дней с «тягла», дохода нередко до 250, а с больших наделов — до 300 мужских и женских дней в год²². Некоторые помещики, например, Комар (имение Юрдайце, Шавельского уезда), с надела в 30 десятин земли устанавливали оброк в размере по 220 руб., а барщину — до 600 дней с упряжкой, кроме того, по 10 сажень дров и две пароконные подводы на расстояние до 200 верст²³.

Таким же высоким, как барщинные повинности, был установленный инвентарем оброк. В Виленской губернии с «волоки» (иногда неполной) надо было платить от 30—35 до 85—90 рублей²⁴.

Так, в имении Городно графини Потоцкой в Лидском уезде, Виленской губернии, кроме платы по 30 руб. за поземельные наделы в 20 десятин, крестьяне должны были еще вспахать по 2 десятины дворовой пашни с каждого двора, отработать сгоны по 8 дней с рабочей души (как правило, в летнее, самое страдное время), отбыть 12 шарварковых дней, очередной ночной караул из двух человек и другие повинности²⁵. В Ковенской губернии средний размер оброка с полного участка земли составлял 60—80 руб., но достигал иногда 150 руб., а с участков в 30 десятин — до 215 рублей²⁶. Крестьяне имения Малгужен графа Кейзерлинга в Шавельском уезде, пользовавшиеся наделами от 14 до 30 десятин, платили оброк от 80 до 215 руб., кроме того, каждый двор обязан был заготовить 1 сажень дров, 2 сажени камня, 5 бревен и дать пароконную подводу до Риги²⁷.

Несмотря на такие дополнительные повинности, положение оброчных крестьян было все же несколько лучше, чем барщинных. Поэтому они с охотой переходили, а в ряде случаев требовали перевода на оброк. Характерно выступление крестьян имения Юрбург князя Васильчикова в Россиенском уезде, категорически отказавшихся исполнять невыносимые для них инвентарные повинности. «...Тяжесть лежащей ныне на нас барщины невыносима более, — писали крестьяне царю, — и мы с тревожным сердцем ожидаем освобождения от этого ига... Каждый хозяин, начиная от весны до зимы, должен ежедневно посылать на барщину двух работников, кроме того, телегу и пару волов... Дома остается один, и то большею частью самый слабый работник, вследствие чего мы не в состоянии обрабатывать наших пашен, которые находятся в таком дурном состоя-

¹⁹ «Приложения». Т. VI. Виленская губерния, стр. 4—5.

²⁰ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. ИЗ378, 1851 г., д. 2522, л. 5.

²¹ «Приложения». Т. VI. Виленская губерния, стр. 2.

²² Там же. Ковенская губерния, стр. 1—31.

²³ Там же, стр. 28—29.

²⁴ Там же. Виленская губерния, стр. 1—45.

²⁵ Там же, стр. 15.

²⁶ Там же. Ковенская губерния, стр. 1—31.

²⁷ Там же, стр. 28—29.

нии, что не возвращают даже употребленных семян. Зимой через неделю мы должны три дня и ночи ходить на молотьбу и веяние хлеба»²⁸. В конце концов Васильчиков был вынужден в спешном порядке перевести своих крестьян с барщины на оброк²⁹.

Барщина и другие повинности ложились тяжелым бременем на плечи крестьян. Но даже «инвентарные» нормы постоянно превышались помещиками. Еще в 1851 г. виленский генерал-губернатор сообщал начальникам губерний о дошедших до него сведениях, «что многие помещики вовсе не руководствуются утвержденными для их имений инвентарями, требуя от крестьян своих исполнения повинностей по собственному произволу без всякого ограничения, так, что они нередко работают в пользу своих владельцев по целым неделям и по весьма обременительным урокам с крайним для них изнурением»³⁰.

О бедственном положении крепостных в Литве накануне реформы свидетельствуют и данные о средней величине крестьянского надела. В Виленской губернии надел составлял: в Дисненском уезде — 16,1 десятины, в Лидском — 16,2 десятины, в Ошмянском — 16,8 десятины, в Вилейском — 16,8 десятины, в Свенцянском — 17,7 десятины, в Трокском — 18,5 десятины и в Виленском — 18,6 десятины на один двор помещичьих крестьян; в Ковенской губернии: в Россиенском уезде — 18,3 десятины, в Ковенском — 18,5 десятины, в Вилкомирском — 19,2 десятины, в Поневежском — 19,8 десятины, в Ново-Александровском — 20,3 десятины, в Шавельском — свыше 25 десятин; несколько выше была средняя норма надела на один двор помещичьих крестьян в Тельшевском уезде³¹. Даже с полного волочного надела средняя крестьянская семья едва могла прокормиться³².

Эксплуатация помещиками крестьян возрастала в связи с ростом спроса на продукты сельского хозяйства и повышением на них цен. Помещики пытались расширить производство испытанным методом — усилением эксплуатации крепостных, а возросшую потребность в деньгах покрывать путем различных способов дополнительного выколачивания денежных средств из тех же крепостных.

Многие помещики не ограничивались повышением барщинных повинностей и нередко отбирали у крестьян посевы, орудия и весь хлеб, перепродавая их затем на месячину. В анонимном письме крестьян имения Сантоки, Вилкомирского уезда, говорилось, что они «совершенно бедны, ежедневно находятся, как уголовные преступники, на барщине, носят кандалы и рогатины, а все их посевы отобраны во двор»³³. Некоторые помещики заставляли крепостных сверх барщинных повинностей работать на вотчинных фабриках. Храповицкий в своих имениях Тераполе и Антомире, Шавельского уезда, требовал от крестьян, кроме инвентарных повинностей, «работы на стеклянной фабрике по восемь с упряжью и 12 пеших дней, которые не были требуемы» раньше³⁴. Увеличивались также и натуральные повинности, взимаемые с крестьян. Например, граф Тызенгауз требовал по 25 ф. льна со двора, помещик Махвиц в имении Нелюбишки — по 4 пуда со двора, помещик Косцялковский — по 6 пудов льна со двора и т. д.³⁵.

²⁸ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1856 г., д. 1202, л. 14.

²⁹ Васильчиков писал генерал-губернатору Назимову, что не был в имении 5 лет и, полагаясь на сообщения управляющего имением Эка, представлял положение крестьян хорошим (см. там же, л. 18).

³⁰ Там же, 1851 г., д. 2509, л. 1.

³¹ Подсчет произведен на основании данных, имеющихся в т. VI «Приложений». Надо полагать, что средняя норма получается несколько завышенной и приблизительной (см. также ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1858 г., д. 1143, ч. 1, лл. 326—356).

³² В. И. Неупокоев. Крестьянские волнения в Виленской и Ковенской губерниях накануне реформы 1861 года (кандидатская диссертация). М. 1950, стр. 47—48.

³³ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1853 г., д. 465, л. 24.

³⁴ Там же, 1861 г., д. 950, лл. 46—47.

³⁵ «Приложения». Т. VI. Ковенская губерния, стр. 12—16.

Архивные материалы свидетельствуют о столь жестокой эксплуатации и истязаниях крестьян накануне реформы, что царские власти и дворянские собрания вынуждены были брать имения таких помещиков в опеку. О своем невыносимом положении рассказывали в жалобе крестьяне имения Лапинцы, Поневежского уезда: «Г. Володко до неопишуемой степени весьма сильно истязает нас и держит всех на постоянной тяжелой барщине в дворовом управлении, что исполняют жены и семейства наши. Так, что не можем нигде выступить из дворового управления — также в костел помолиться богу — и не имеем ни куска отведенной земли, из чего могли бы мы содержаться с семейством». Далее крестьяне приводили много случаев зверского истязания их помещиком. Факты были настолько вопиющими, что Ковенское губернское правление взяло в опеку имение Володки, однако помещику все же удалось продать его³⁶. По данным Матулайтиса³⁷, было взято в опеку с 1860 по 1862 г. по Ковенской губернии 5, а по Виленской — 20 имений.

Одним из способов дополнительной эксплуатации крестьян было расхищение помещиками общественного хлеба из сельских магазинов³⁸. Помещики использовали также сбор государственных податей. Они часто взыскивали вместо 8 рублей, полагающихся с крестьянина, 10—15 рублей; нередко землевладелец за недоимку в один рубль разорял крестьянское хозяйство, забирая все имущество. О подобном факте сообщали в своей жалобе на имя Назимова крестьяне из имения Каралиново в Вилкомирском уезде, Ковенской губернии. Они писали, что «не сопротивлялись никогда отбывать по 6 дней барщины, платить с хаты по 27 руб. серебром, давать лен, гуся, яйца, грибы, доставлять две сажени дров и проч., что даже нельзя высчитать, с тем только, чтобы не наказывал нас жестоко, не забирал от нас с поля рожь, картофель, огородные растения, не грабил во дворе наш скот за 1 рубль недоимки...»³⁹.

Помещики наживались также от продажи труда своих крепостных по контрактам на различного рода работы. Так, Беганский продал купцу Рослову «400 человек в земляные работы», получив по 29 руб. за каждого крестьянина⁴⁰; Тышкевича 45 крестьян из имения Куртовян, Шавельского уезда, отдала на работы в Рижский порт⁴¹. При этом хозяйства таких крепостных должны были исполнять все повинности. Владельцы некоторых имений, отдавая внаем крестьян, их землю сдавали в аренду⁴². Кроме того, помещики Литвы в предреформенные годы значительно повысили размеры оброка⁴³.

Резкое усиление эксплуатации крестьян в предреформенные годы вело к тому, что многие хозяйства крепостных приходили в совершенный упадок. Крестьяне часто не успевали засеивать свои участки земли, у них не было семян, инвентаря. В многочисленных крестьянских жалобах, в донесениях чиновников и в других документах говорилось о крайней нужде, упадке и разорении хозяйств крепостных. В записке от 10 октября 1853 г. один из чиновников канцелярии генерал-губернатора, Михнев, доносил, что у крестьян помещика Пониквицкого в имении Щучино, Лидского уезда, «поля для будущего года более половины не обсеяны»⁴⁴. В одном из донесений 1860 г. говорилось, что ввиду тяжелой барщины «в им.

³⁶ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1860 г., д. 433, лл. 10—12.

³⁷ S. Matulaitis. 1863 metai Lietuvoje. Minskas. 1933, p. 17.

³⁸ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1859 г., д. 423, л. 2.

³⁹ Там же, 1859 г., д. 978, л. 5.

⁴⁰ Там же, 1852 г., д. 2415, л. 2. Даже Виленская губернская палата в постановлении от 14 ноября 1853 г. записала, что «следует Беганского, как виновного в предложении таковых обременительных условий крестьянам, подвергнуть взысканию по судебному определению» (там же, л. 36).

⁴¹ Каунасский городской архив (КГА), КГГ, ф. 50, 1860 г., оп. 1, д. 23122.

⁴² ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1853 г., д. 2108, л. 4.

⁴³ Там же, 1857 г., д. 475, л. 3.

⁴⁴ Там же, 1853 г., д. 651, л. 1.

Узмень, Дисненского уезда, часть полей крестьянских осталась необработанной»⁴⁵. Эти факты свидетельствуют о полном разорении и невозможности воспроизводства многих крестьянских хозяйств.

Особенно убедительным свидетельством того, что основная масса литовского крестьянства не могла воспроизводить свое хозяйство, а стало быть, и свою рабочую силу, является застой или даже падение уровня производства барщинного хозяйства Литвы при быстром возрастании степени эксплуатации крепостных накануне реформы. Это подтверждается, во-первых, низкой урожайностью основных зерновых культур и картофеля; во-вторых, статичностью посевных площадей и, в-третьих, прекращением роста поголовья скота и его продуктивности.

Если взять данные об общих сборах хлеба и картофеля и их урожайности по Виленской губернии за 1850—1858 гг., то окажется, что урожайность хлебов и картофеля не только ни разу не поднималась выше уровня 1850 г., но даже сокращалась, а в 1853 и 1855 неурожайные годы она упала почти вдвое. Общий сбор хлеба и картофеля в 1858 г. был также ниже, чем в 1850 году. И в более урожайные предреформенные годы сбор зерновых и картофеля редко превышал сборы прежних лет⁴⁶.

О том же говорят и данные об урожайности и общем сборе хлебов за 10 лет (1848—1857) по Ковенской губернии⁴⁷. И здесь, несмотря на несколько более высокую общую урожайность, она не только не поднималась, но по озимым даже падала⁴⁸. Если сравнить 1857 урожайный год с 1848 урожайным годом, то общий сбор зерна и картофеля по губернии и их урожайность остались почти на прежнем уровне, даже несколько сократились. Общий сбор озимых в 1857 г. был меньше, чем в 1848 г., на 101 982 четв., яровых — на 31 248 четв. и картофеля — на 243 502 четверти. Показатели урожайности в 1848 г.: озимых — 5,1 зерна, яровых — 4,8 зерна, картофеля — 5; в 1857 г.: озимых — 4,8 зерна, яровых — 4,2 зерна, картофеля — 5; следовательно, урожайность зерновых в 1857 г. ниже, чем в 1848 году. Примерно на том же уровне оставались общий сбор хлеба по губернии и его урожайность и в 1860 году⁴⁹.

В предреформенные годы особенно резко упали урожайность и общий сбор картофеля. Картофель в барщинном хозяйстве Литвы во второй половине XIX в. занимал очень важное место: он был одним из главных продуктов питания крестьян, а также широко использовался в винокуренной промышленности.

С конца 40-х годов XIX в. в литовских и соседних с ними белорусских губерниях сократились посевы и сборы картофеля. Весьма значительным это падение было в «собственном» хозяйстве барщинных крестьян. Посевы картофеля к концу 50-х годов по сравнению с началом 40-х годов уменьшились по Виленской и Ковенской губерниям в несколько раз⁵⁰. В этом сказывалось одно из противоречий крепостнической системы хозяйства. С одной стороны, разведение картофеля было чрезвычайно выгодным, так как приносило солидные прибыли предпринимателям (в своем большинстве это были те же помещики). С другой стороны, разведение картофеля требовало повышения агрикультуры и техники земледелия, чему мешала старая барщинная система хозяйства и присущие ей производственные

⁴⁵ Там же, ф. Виленского губернского депутатского собрания, 1861 г., д. 1314, л. 2.

⁴⁶ А. Корев а. Материалы для географии и статистики России. Виленская губерния. СПб. 1861, стр. 511—512.

⁴⁷ Д. Афанасьев. Материалы для географии и статистики России. Ковенская губерния. СПб. 1861, стр. 378.

⁴⁸ В первом пятилетии (1848—1852): озимые — по 4,8 зерна, яровые — по 4,3 зерна, картофель — по 3,6; за второе пятилетие (1853—1857): озимые — по 3,4 зерна, яровые — по 4,3 зерна, картофель — по 3,7.

⁴⁹ См. «Памятная книжка Ковенской губернии на 1861 год». Ч. 1. Ковно. 1861, отд. II, стр. 55.

⁵⁰ А. Корев а. Указ. соч., стр. 511—512; Д. Афанасьев. Указ. соч., стр. 378.

отношения. При отсутствии механизации возделывания картофеля быстро возраставшие до 30-х годов XIX в. площади его посевов в Литве требовали большого дополнительного труда. А источников пополнения рабочей силы не было, ибо число помещичьих крестьян в тот период не только не росло, но даже сокращалось.

Таким образом, столкновение развивавшихся производительных сил с крепостнической системой хозяйства привело в Литве к временному застою или даже падению всего земледельческого производства.

Изучение данных о состоянии животноводства Литвы в предреформенные десятилетия позволяет сделать такой же вывод. Так, при анализе сведений о поголовье скота в Ковенской губернии бросается в глаза факт застоя основных отраслей животноводства. Если в тот или иной год количество крупного рогатого скота, лошадей, овец и др. увеличивалось на несколько десятков тысяч, то в последующие годы оно снова падало, а в годы неурожая, эпидемий и массового падежа скота (1843 и 1853) его поголовье уменьшалось еще значительно. Так, в 1860 г. по сравнению с 1843 г. в Ковенской губернии количество рогатого скота сократилось на 35 601 голову, овец — на 137 654, свиней — на 162 899. И только лошадей за это время стало больше на 8 341. Если же сравнивать данные 1843 г. с данными малоурожайного 1858 г., то уменьшение поголовья скота окажется еще более заметным⁵¹.

Однако надо иметь в виду, что за средними показателями скрывалось, с одной стороны, появление зажиточного крестьянина, будущего кулака, с другой — разорение значительной массы помещичьих крестьян. За незначительным общим падением земледельческого производства в барщинной системе следует видеть действительный дифференцированный процесс развития хозяйства крепостных крестьян; тогда можно с уверенностью утверждать, что воспроизводство значительного числа хозяйств барщинных крестьян становилось невозможным.

Такие хозяйства в своем большинстве не могли больше сводить концы с концами и существовать как самостоятельные единицы, хотя бы на базе простого воспроизводства. Постоянно росли недоимки этих хозяйств по государственным повинностям, кроме того, они все больше и больше должны были своим помещикам. Так, в имениях Гоздава и Спягло, Свенцянского уезда, состоявших из 81 крестьянского хозяйства, каждое было должно помещику от 30 до 90 рублей⁵². «Вольные люди» имения помещика Парчевского Мишуцы, Тельшевского уезда, в количестве 1 301 человек, находившиеся фактически на положении крепостных, задолжали дворовому управлению с 1825 по 1863 г. 54 250 рублей⁵³. Недоимки помещичьих крестьян Ковенской губернии по государственным податям выросли к 1859 г. до 26 930 руб., «вольных людей» — до 26 259 руб., «однородцев» — до 5 864 рублей⁵⁴.

Разорившиеся крестьяне, лишившиеся рабочего скота и инвентаря, не могли быть использованы в помещичьем хозяйстве для обработки земель барщинным способом. Таких крестьян помещики обычно сгоняли с земли, мотивируя это их неспособностью вести хозяйство. Так, в августе 1860 г. от 13 крестьян из имения Кены помещика Славинского в Виленском уезде поступила жалоба, что помещик отнял у них хозяйственные строения, усадьбы и наделы. После проверки этого факта виленский гражданский губернатор доносил виленскому генерал-губернатору Назимову, что указанные крестьяне, ныне «кутники», «огородники» и «бобыли», «в прежнее время имели собственное хозяйство, но, приведя таковое в

⁵¹ См. «Памятная книжка Ковенской губернии на 1861 год». Ч. 1, отд. II, стр. 56; Д. Афанасьев. Указ. соч., стр. 395; «Ковенская губерния за 1843—1893 гг.». Ковно. 1893.

⁵² ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1853 г., д. 708, л. 17.

⁵³ Там же, 1863 г., д. 1834, лл. 26—33.

⁵⁴ Там же, 1858 г., д. 281, лл. 84—85.

расстройство, сами от одного отказались и с того времени, не пользуясь наделом земли, нанимают для себя семействами помещение у других домохозяев или вольных содержателей пустошей и сыскивают себе пропитание поденною работою»⁵⁵.

Прикрываясь заявлениями о неспособности крестьян вести хозяйство, о их нерадении или пьянстве, литовские помещики, начавшие массовое обезземеливание своих крепостных накануне рескрипта 20 ноября 1857 г., еще более активно продолжали его в последующие годы. В 1859 г. арендатор имения Теклинополь, Вилейского уезда, Родзевич с согласия помещика лишил крестьян земельных наделов и переселил их на пустоши, мотивируя это тем, что переселенные крестьяне оказались «неспособными к обработке полных земельных участков по причине дурного их поведения, наклонности к пьянству и нерадения как в управлении собственным хозяйством, так и в исполнении барщинной общественной и государственной повинностей...»⁵⁶. О сгоне с земли по подобным же мотивам сообщали в своем письме от 4 апреля 1859 г. крестьяне помещика Ивана Малицкого (деревня Киркилишки, Ново-Александровского уезда).

Некоторые землевладельцы накануне реформы вели настоящую войну с крестьянами, захватывая и «огораживая» их земли. «Итак, нас утешает во всем,— жаловались крестьяне имения Милашишек, Поневежского уезда, на помещика Пашкевича.— Где от начала житья и за памятью наших отцов были пастбища, то теперь все то обраб, а остальное огородил для себя на пожни, а нам нет где пустить своей скотины, что скорее вся сдохнет от голоду»⁵⁷. О таком же факте писали в своей жалобе 16 крестьян из имения Высокий Двор помещицы Ферлизовой в Ковенском уезде⁵⁸.

Процесс обезземеливания крестьян принял после опубликования рескриптов такие широкие размеры, что правительство вынуждено было прибегнуть к некоторым, хотя и очень робким, мерам. В октябре 1858 г. был издан указ, запрещавший переселять крестьян на другие земли без ведома властей. Но помещики очень легко получали у местного начальства необходимое разрешение⁵⁹.

Для сгона крестьян с земли помещики пользовались всевозможными средствами, вплоть до поселения на своих землях ввезенных из-за границы наемных рабочих⁶⁰. Они широко практиковали причисление крепостных крестьян после объявления рескрипта 1857 г. к разряду «вольных людей» с последующим отобранием у них земли⁶¹.

«Вольные люди» не огораживались существовавшим законодательством и начавшими реформами от произвола землевладельцев и поэтому «были для помещиков наиболее удобным объектом увеличить размеры своих земель»⁶². Они сначала совершенно разоряли «вольных людей», затем сгоняли их с земли. Так, в 1854 г. ковенский губернатор сообщал виленскому генерал-губернатору, что большинство «вольных людей» в обследованных по его заданию имениях: Кецине — помещика Мильвида, Павирчuve — Скарки, Пакершине — Рынкшалеvского, Рынговяны — Бурбы — находились из-за бедности в бегах или в отлучке на заработках, а их дворы были разорены⁶³. Выселяя «вольных людей», помещики забирали их имущество, оставляли за собой построенные ими жилища, захватывали посевы и хлеб, засыпанный в сельские магазины. И, несмотря на

⁵⁵ Там же, 1860 г., д. 452, лл. 3—4.

⁵⁶ Там же, 1859 г., д. 478, л. 2.

⁵⁷ КГА, КГГ, ф. 50, 1860 г., оп. 1, д. 13426, л. 2.

⁵⁸ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1862 г., д. 956, л. 3.

⁵⁹ КГА, КГГ, ф. 50, 1860 г., д. 13471.

⁶⁰ ЦГА Лит. ССР, КГГ, п/о, ф. И378, 1861 г., д. 64, лл. 2—71.

⁶¹ Там же, ф. И378, 1863 г., д. 1534, лл. 45—47.

⁶² S. Matulaitis. Указ. соч., стр. 112.

⁶³ ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. И378, 1853 г., д. 2108.

то, что выселяемые крестьяне упорно сопротивлялись, не повиновались владельцу имения и полицейским властям, их все же очень часто с помощью военной силы выбрасывали на улицу. Они лишались всего, превращались в сельских пролетариев. Наиболее вопиющими, привлечшими внимание даже министерства внутренних дел и самого царя были дела по выселению и сгону с земли «вольных людей» графа Ледуховского в имении Гентелишки, Парчевского в имении Мишуцы и графа Тышкевича в имении Грушлавки, Тельшевского уезда⁶⁴.

Разоренные крепостные пополняли и без того уже довольно многочисленный слой безземельного и малоземельного крестьянства Литвы (батраков, «бобылей», «халупников», «огородников» и др.).

Самое большое количество «бобылей» было в Ковенской губернии — 5 422 семейства, в Виленской — 3 229 семейств; во всех остальных западных губерниях их было меньше⁶⁵. В Ковенской губернии также было и сравнительно много батраков — 32 063, тогда как в Виленской — всего только 3 924⁶⁶. Именно эта часть крестьянства, составлявшая 1/3 сельского населения Ковенской губернии, представляла наиболее активную силу в непрекращавшихся выступлениях в Литве накануне и в период революционной ситуации 1859—1861 гг., а позднее — в восстании 1863—1864 годов.

Процесс обезземеливания больших масс крестьян делал невозможным воспроизводство хозяйства крепостного, а стало быть, и воспроизводство рабочей силы в прежнем ее виде. Безземельное крестьянство Литвы было обречено на вымирание. Крепостное население Ковенской губернии за 17 лет (1844—1860) уменьшилось с 499 165 до 326 968 человек⁶⁷.

Сгон крестьян с земли создавал предпосылки для развития капиталистических отношений, в частности давал «свободные» рабочие руки на постоянно возрастающий рынок труда.

В ходе разложения крепостнической системы появился незначительный по численности, но начинавший занимать все более важное место в развитии экономики слой зажиточных крестьян, будущих кулаков, которые вели хозяйство уже с помощью наемного труда.

Зажиточные крестьяне все больше втягивались в активные рыночные отношения. Накануне реформы многие из этих крестьян, особенно в Ковенской губернии, имели в пользовании до 100 десятин земли и платили до 300 руб. оброка в год; в их хозяйствах работали по 2—3 батрака, иногда и больше. Такие крестьяне после реформы 1861 г. могли сразу выкупить свои участки земли, стоимость которых доходила иногда до 2 тыс. рублей⁶⁸. Зажиточные хозяева, кроме хлеба и продуктов животноводства (масла, сыра), в значительном количестве вывозили на рынок лен — от 5 до 10 берковцев⁶⁹.

Для этой части крестьянства старые феодальные отношения были оковами, не дававшими простора для обогащения. «...Крепостное право, — указывал В. И. Ленин, — стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок»⁷⁰.

Внутри класса феодалов в тот период также шел процесс имущественной дифференциации. Его ускорению способствовала огромная концентра-

⁶⁴ Там же, 1863 г., д. 1834.

⁶⁵ Там же, д. 910, лл. 1—7.

⁶⁶ В. И. Неупокоев. Указ. диссертация, стр. 20.

⁶⁷ «Памятная книжка Ковенской губернии на 1861 год». Ч. 1, отд. II, стр. 7.

⁶⁸ ЦГА Лит. ССР, КГГ. Ф. 1378. 1862 г., оп. 121, д. 900, лл. 142—144.

⁶⁹ «Памятная книжка Ковенской губернии на 1861 г.». Ч. 1, отд. II, стр. 40.

⁷⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 276—277.

ция феодального землевладения в Литве в первой половине XIX века. Особенно значительными были латифундии в Ковенской губернии. Здесь в руках помещиков находилось свыше 75% всей удобной земли и больше половины лесов (490 868 десятин из 803 995)⁷¹. В Виленской губернии они владели 69,5% всей земли⁷². В руках крупнейших литовских помещиков была сосредоточена основная масса крепостных. Значительная часть обедневшей и разорившейся шляхты владела лишь несколькими крепостными, а многие совсем не имели их. Так, за 1857—1858 гг. в Ковенской губернии из 5 008 имений с крестьянами было 2 863, то есть 57,1%; без крепостных (так называемой однодворной шляхты) — 2 145, или 42,9% всех помещичьих имений⁷³. Это одна из важных отличительных черт феодального землевладения в Литве, сыгравшая немаловажную роль в обострении противоречий внутри господствующего класса.

Незначительная группа магнатов Виленской губернии, составлявшая 1,2% всех ее крепостников, каждый из которых имел более тысячи душ, владела 27,6% всех крепостных мужского пола⁷⁴; 1,4% земельных магнатов Ковенской губернии — 35,8% крепостных душ⁷⁵. Если взять только одну Ковенскую губернию, составлявшую большую часть собственно Литвы, то она по концентрации крепостных стояла впереди всех губерний Российской империи, уступая лишь Воронежской. В Ковенской губернии на 1% крупнейших землевладельцев падало 25,5% всех крепостных, в Воронежской губернии — 34% всех крепостных, в остальных губерниях соотношение было значительно более низкое⁷⁶.

Крупнейшие помещики Литвы владели огромными латифундиями в несколько тысяч, а иногда и десятков тысяч десятин земли. Так, граф Платон Зубов, один из богатейших помещиков Российской империи (у которого были владения во Владимирской и ряде других губерний), в Шавельском и Тельшевском уездах, Ковенской губернии, имел более 47 тыс. десятин земли с 9 996 крепостными⁷⁷; граф Иван Тышкевич только в двух уездах (Поневежском, Ковенской губернии, и Ошмянском, Виленской губернии) владел 34 848 десятинами земли с 10 569 крепостными мужского пола⁷⁸; граф Тызенгауз в Виленском, Вилейском, Свенцяном, Вилкомирском и Ново-Александровском уездах владел 45 043 десятинами земли, населенными 13 147 крепостными мужского пола⁷⁹. Кроме вышеназванных помещиков, обладателями имений в несколько десятков тысяч десятин земли с несколькими тысячами крепостных были Нарышкин, князь Огинский, граф Плятер, помещик Карп (Карпис), графиня Замойская и другие⁸⁰.

Землевладельцы, обладавшие огромными латифундиями и значительными капиталами, легче могли перейти от барщинного труда к вольнонаемному, применяя в земледелии сельскохозяйственные машины, более интенсивно вводя агрономические улучшения и тем самым быстрее приспособить свое хозяйство к рыночным отношениям. В то же время значительное число помещичьих хозяйств в предреформенный период приходило в упадок, закладывалось и перезаклаживалось. Так, если в Виленской гу-

⁷¹ Д. Афанасьев. Указ. соч., стр. 459.

⁷² А. Корева. Указ. соч., стр. 108.

⁷³ Д. Афанасьев. Указ. соч., стр. 12.

⁷⁴ А. Троицкий. Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб. 1861, стр. 45.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Количество земли имения местечка Плунгяны (Плунгяй) с 3 527 душами не показано. «Приложения». Т. VI. Ковенская губерния.

⁷⁸ Кроме того, граф Иван Тышкевич имел владения в Виленском уезде (ЦГА Лит. ССР, КГГ, ф. Из378, 1861 г., д. 7, лл. 70—73).

⁷⁹ Количество земли и крепостных дается приблизительно («Приложения». Т. VI. Ковенская и Виленская губернии).

⁸⁰ Там же.

бернии в 1855 г. число крепостных в заложенных имениях из общего числа 197 897 достигало 52 530, а сумма долга — 2 929 287 руб., то в 1859 г. число крепостных в заложенных имениях поднялось до 67 692, а сумма долга увеличилась до 5 051 622 рублей. Соответственно в Ковенской губернии в 1855 г. в заложенных имениях насчитывалось 66 698 душ, а сумма долга была 2 725 123 руб., а в 1859 г. число крепостных достигло 69 147, а сумма долга — 2 920 855 рублей⁸¹. Расстройство и даже разорение значительной части помещичьих хозяйств было, таким образом, типичным явлением для феодальной предреформенной Литвы.

Приведенные выше данные свидетельствуют о глубоком кризисе прежде всего собственнго хозяйства крепостного крестьянина, в результате которого помещичьи хозяйства также приходили в упадок. Кризис охватил всю феодально-крепостническую систему в целом.

Этот кризис выразился прежде всего в застое, а по некоторым отраслям даже в падении сельскохозяйственного производства, в усилении эксплуатации основных масс крестьянства, в их разорении, обезземеливании и дифференциации — иными словами, в невозможности воспроизводства многих крестьянских хозяйств. Кризис крепостного хозяйства усиливался рядом существенных местных особенностей социально-экономического порядка: во-первых, значительной концентрацией земли в руках крупнейших помещиков Литвы; во-вторых, особой формой крестьянского землепользования на основе «инвентарей», во многом облегчавшей помещикам начатое ими обезземеливание крепостных; в-третьих, тем, что в Литве к 50-м годам XIX в. в результате интенсивного обезземеливания крепостного крестьянства, а также особой формы наследования инвентарных участков создался многочисленный слой безземельных и мало-земельных крестьян, являвшихся наиболее активной революционной силой.

Эти особенности барщинной системы хозяйства в Литве обостряли классовые противоречия феодального общества и нужду трудящихся масс, способствовали тому, что сложившаяся в конце 50-х годов XIX в. революционная ситуация, переросшая в открытое восстание 1863—1864 гг., здесь была более затяжной и бурной, чем в Российской империи в целом.

⁸¹ А. Я. Скребицкий. Крестьянское дело. Т. IV. Бонн на Рейне. 1868, стр. 1246—1249.